

Лингвокультурный типаж «дервиш» у русских и
арабов с позиций ценностных ориентаций
التوجهات القيمة للشخصية النمطية في اللغة والثقافة الروسية والعربية:
الدرويش نموذجًا

Dr. Mohammed Hassan Sammani Mansour
Lecturer, Russian Language Department
Faculty of Al-Asun, Ain Shams University

د. محمد حسن سماني منصور
مدرس بقسم اللغة الروسية
كلية الألسن، جامعة عين شمس

The Linguacultural Personality Type «Dervish» from Positions of Value Orientations for the Russians and Arabs

Abstract.

The article intends to determine the axiological characteristics of the linguacultural personality type "dervish", and to explore the cultural information about the value assigned to dervish by representatives of the Arabic and Russian linguistic cultures. Aphorisms and illustrative examples from fiction, movies, journalism, and travelers' notes actualizing the named features are used. The specificity of the perception of the current personality type in the linguistic consciousness of both linguacultural communities has been established. The axiological interpretation of this linguacultural concept is presented. Evaluative characteristics assigned to the dervish are revealed.

It was found that the linguacultural type "dervish" appears in the Russian collective consciousness as an exotic and more abstract concept of foreign culture, rather than in the minds of modern Arabs, where dervish is perceived as a realistic and dynamic linguacultural type, close to daily life personality with a contradictory individual value system and an ambivalent assessment of the culture.

Keywords: Linguacultural Type, Value Orientations, Concept, Dervish, Intercultural Communication.

التوجهات القيمة للشخصية النمطية في اللغة والثقافة الروسية والعربية: الدرويش نموذجًا
الملخص:

تتناول الدراسة واحدة من النظريات الحديثة في مجال الأنثروبولوجيا والمفاهيم الثقافية (concepts)، ألا وهي نظرية الشخصيات النمطية في الثقافة اللغوية. وتعرف "الشخصية النمطية" في علم اللغة بأنها مفهوم ثقافي مُعمم وصورة مقولبة لفئة من البشر ذات نشاط وسلوك نمطي يميزها. وترتبط الشخصية النمطية بمجموعة من التعميمات والأحكام المسبقة التي تشكل ذاكرة ثقافية عن تلك الفئة وقيمها الحياتية. ويتناول هذا البحث دراسة الدرويش كشخصية نمطية تسهم في تشكيل وإثراء الثقافة اللغوية.

وتهدف الدراسة إلى إرساء مقاربة قيمية ذات دلالات متناغمة عن الدرويش كشخصية نمطية في اللغة والثقافة، بغية إبراز السمات التقييمية لهذا المفهوم في الوعي الجمعي وذلك من خلال تحليل مادة لغوية متنوعة من الحكم والأقوال المأثورة عن الدرويش، والنصوص الأدبية والتاريخية. وتخلص الدراسة إلى أن الدرويش شخصية ديناميكية ذات سمات تقييمية متضاربة ما بين التصور الإيجابي والنظرة السلبية، كما يمثل الدرويش منظومة متناقضة من القيم العليا كالزهد والحكمة والحب والحرية والتأمل، والقيم السلبية المضادة كالتسول والاحتيال والدجل والتدين الزائف وغيرها.

الكلمات المفتاحية: الشخصية النمطية، التوجهات القيمة، المفاهيم الثقافية، الدرويش، التواصل بين الثقافات

Лингвокультурный типаж «дервиш» у русских и арабов с позиций ценностных ориентаций

Аннотация.

В статье описываются ценностные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш». Анализируются афоризмы и текстовые отрывки из художественных произведений, публицистики и записок путешественников, актуализирующие признаки данного типажа в русской и арабской лингвокультурах. Установлена специфика представления типажа «дервиш» в языковом сознании носителей обеих лингвокультур. Представлена аксиологическая интерпретация данного концепта, выявлены его ассоциативные признаки и оценочные характеристики. Выведено, что лингвокультурный типаж «дервиш» предстает в русском сознании как экзотический и абстрактный концепт, тогда как в современном сознании носителей арабского языка и культуры он воспринимается как близкая к естественной жизни личность не только с абстрактными, но и конкретно-ассоциативными признаками и амбивалентной оценкой.

Ключевые слова: Лингвокультурный типаж, ценностные ориентации, концепт, дервиш, межкультурная коммуникация.

При изучении «языковой личности» в современных исследованиях особое внимание ведущих лингвистов уделяется выделению языковой личности не только как индивидуального, но и типизируемого ментального образования. В рамках данного направления выдвигается теория «лингвокультурных типажей» – сравнительно новой концепции, предлагаемой лингвистом В. И. Карасиком и интегрирующей данные современной лингвистики и других таких гуманитарных наук, как социология, психология и, разумеется, культурология.

Лингвокультурный типаж, по определению В. И. Карасика, – это узнаваемый, обобщенный образ представителя определенной культуры или какой-либо социальной группы, «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» в рамках конкретной культуры

(Карасик, 2004, с. 22). К изучению «лингвокультурных типажей» в российской науке, вслед за В. И. Карасиком обращались такие исследователи, как О. А. Дмитриева, Т. А. Ивушкина, Ю. А. Квартовкина, О. В. Лутовинова, М. В. Мищенко, И. А. Мурзинова, В. А. Резник, Л. П. Селиверстова, Е. А. Ярмахова и др., в исследованиях которых рассматривается значительный ряд социокультурных и этнокультурных лингвокультурных типажей.

Лингвокультурный типаж включает в себя «стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует» (Карасик и Дмитриева, 2005, сс. 13-14). Вместе с тем, основой для выделения того или иного лингвокультурного типажа является обобщение, которое включает в себе поведенческие и ценностные ориентиры, характерные для конкретного индивидуума. Лингвокультурный типаж может быть реально существующим (*чиновник, мошенник, интеллигент* и т. п.) или вымышленным персонажем (*джинн, русалка, домовой* и т.п.). Реальные же типажы исследователи предлагают разделять на исторические (*боярин, крепостной, везир, палач* и др.) и современные (*политик, бизнес-леди, БОМЖ, арабский шейх* и т. п.) (Там же, с. 17).

Основные компоненты лингвокультурного типажа

Типаж как предмет лингвистического исследования имеет двойственную природу: он представляет собой не только языковую личность, но и лингвокультурный концепт, т. е. сложное ментальное образование, аккумулирующее в себе культурный уровень каждой языковой личности (Колесов, 2004, сс. 19-20) и включающее «не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» (Степанов, 1997, с. 41). Будучи разновидностью концепта, лингвокультурный типаж имеет в своей структуре три аспекта – *понятийный, образный и ценностный* компоненты, которые рассматриваются по отдельности и раскрывают содержание лингвокультурного типажа и реальную картину его осмысления в той или иной культуре (Карасик, 2004, с. 71).

1) Понятийная составляющая типажа представляет собой набор смысловых признаков, формирующих содержание рассматриваемого понятия, и раскрывается с помощью анализа зафиксированных в языке словарных дефиниций.

2) Образно-перцептивные характеристики включают в себя устойчивые ментальные представления о данной типизируемой личности, т. е. такие признаки, как гендерная и возрастная его принадлежность, внешность и одежда типажа, его окружение, семейное положение, местоительство, виды деятельности, своеобразное поведение и другие свойства, составляющие т. н. «паспорт лингвокультурного типажа» (Дмитриева, 2007).

3) Ценностный же компонент типажа раскрывает оценочный потенциал данной личности в сознании носителей культуры, а это достигается посредством интерпретативного анализа текстовых фрагментов из художественной литературы и дискурса СМИ, а также анализ оценочных суждений в виде афоризмов, ценностно-маркированных высказываний и цитат.

В рамках данного руслу нами было предпринято исследование, направленное на изучение «дервиша» как типизируемой языковой личности, имеющей свои типичное поведение и ценностные ориентации, отражающие этническую, социальную и инокультурную языковую картину мира.

Наша статья имеет своей **целью** раскрыть ценностную составляющую данного лингвокультурного типажа в русской и арабской лингвокультурах, выявить оценочный потенциал концепта «дервиш» в языковом сознании представителей обеих культур.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение и описание своеобразных ценностных свойств концепта «дервиш» способствуют пониманию культурных доминант данного типажа, сохраняемых в русском и арабском сознании. Межкультурное исследование концепта «дервиш», которое позволило бы выявить его отличительные характеристики и оценочные ориентиры, насколько нам известно, пока не проводилось. Наше исследование

является первой попыткой рассмотрения лингвокультурного типажа «дервиш» в лингвистической литературе.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что концепт «дервиш» относится к особой мистической субкультуре и выделяется в сознании современных носителей арабского и, предположительно, русского языка, причем типаж «дервиш» по-разному представлен и оценивается в русской и арабской лингвокультурах.

Материалом нашего исследования послужили тексты художественной литературы и публицистики на арабском и русском языках, кинофильмы, исторические очерки и записки путешественников, содержащие описание концепта «дервиш», а также афоризмы и высказывания известных дервишей. Всего проанализировано 316 контекстов. Из них на арабском языке – 148, на русском – 137. Большой процент арабского языкового материала (58%), по сравнению с русским (42%), объясняется тем, что в русской традиционной культуре инокультурный концепт «дервиш» – образ несколько абстрактный и похожий на имидж, который упоминается в творчестве поэтов, записках путешественников, а частично в современной русской прозе и публицистике.

В статье использовались **семантический анализ переносных и ассоциативных значений** слов, производных от концепта «дервиш», **интерпретативный анализ контекстуальных употреблений** исследуемого понятия, а также интерпретативный анализ афоризмов, ценностных высказываний и суждений, характеризующих рассматриваемый лингвокультурный типаж.

Дервиш – содержательно богатый концепт исламо-восточной культуры. Он определяется как последователь суфизма, обычно неимуший аскет, монах (Масуд, 1992, с. 358), живущий подаянием и независимый от социальной структуры (Матенова и Шафранская, 2023, с. 34). Поведение дервиша – служение Богу через мистическое радение, танец кружения или странствия. Дервиши принадлежат к разным орденам, таким как «Каландрия» (бродящие аскеты), «Рифаия» (воюющие дервиши), «Мевлеви» (кружащиеся дервиши),

«Кадирия», «Накшабандия», «Джелвети» (радеющие ордена), «Сенусия» (религиозно-политические братства) и др. Дервишеские секты в большинстве своем построены по принципу *учитель / ученики* и различаются по своим богослужебным практикам (Мансур, 2023).

Концепт «дервиш» включает в себя сумму перцептивно-образных характеристик, уточняющих типичность его свойств в русской и арабской культурах: по возрасту дервиш – мужчина среднего или пожилого возраста со скромной внешностью, странствующий в потрепанной, шерстяной одежде. Некоторые ордена («кружащиеся дервиши») носят чистую разноцветную одежду, высокие колпаки и белые мантии и др. Своеобразное поведение дервиша – служение Богу, а виды их деятельности – вести бродячий образ жизни, практиковать коллективный «зикр» (радение) или исполнять танец кружения. По признаку семейного положения дервиш может жениться, иметь детей и собственный дом, а во время путешествия дервиши живут во временной обители, т. н. «теккие» или «ханка». С образом дервиша в действительности ассоциируются определенные образцы поведения, признаки негативного фанатизма, исступления и неадекватного поведения и др. (Мансур, 2024)

Данную статью мы выделяем **именно для изучения и раскрытия аксиологических доминант** рассматриваемого лингвокультурного типажа «в самопредставлении и в представлении других социальных групп» (Карасик, 2007, с. 245). Другими словами, исследование предлагает ценностную и оценочную интерпретацию лингвокультурного концепта «дервиш», которая способствовала бы описанию как собственной оценки личности дервиша, так и амбивалентной (негативной / положительной) его оценки со стороны носителей этнической и социальной лингвокультуры. Именно ценности входят в число стереотипных представлений, регулируют поведенческую деятельность личности и позволяют выделять яркие лингвокультурные типажи (Дмитриева, 2006, с. 30).

Ценностные характеристики дервиша как концепта

Чтобы показать, с какими ценностями себя ассоциирует и представляет лингвокультурный типаж «дервиш», в качестве иллюстративного материала нами приводятся прецедентные высказывания и изречения, раскрывающие ценностную картину мира, описываемую самим «дервишем». Поскольку дервиш является концептом исламо-восточной культуры, то приводятся прежде всего афоризмы и высказывания, принадлежащие таким известным поэтам и мастерам дервишества, как Омар Хайям, Джалаладдин Руми, А. Джорайри, А. Ансари и др. Ср. следующие изречения:

«Неистинна та любовь, проявленная к физической красоте»¹; «В каждой религии есть любовь, а для любви нет религии»; «Мертвец тот, кто не умер от страсти»; «Совершайте омовение любовью перед тем, как водой, ибо молитва со злобным сердцем не принимается»; «Картину ты видел, но ее смысл из виду так и упустил»; «Тайные смыслы познаются лишь в антитезах»; «То, чего ты ищешь, тоже ищет тебя»; «Сердце – это суть, а слова – лишь его проявления»; «О, рот мой, ты адская дыра»; «Принять меня как человека важнее для Бога, чем спрашивать о моей вере» (Дж. Руми)²;

*«Нищим дервишем ставши — достигнешь высот, ||
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот, ||
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях! || Лишь с
собой совладавши — достигнешь высот» (О. Хайям)³;*

«Дервиш – это тот, чье сердце свободно от помышлений» (А. Харакани); «Внешние приметы дервиша – потрепанный плащ и нечесанные волосы, однако его реальность – живое сердце и умерщвленная душа» (Саади); «Что значит быть дервишем? Внешне – без притворства, внутренне – без раздоров»; «Дервиш не имеет имени и репутации, не знает ни войны, ни мира» (А. Ансари); «Быть дервишем — значит быть

неимушим. То же, что приходит к тебе, не считай своим» (А. Джорайри)⁴.

Приведенные рассуждения подтверждают совокупность таких дервишеских ценностей, как аскетизм, любовь к Богу, искренность, свобода, медитация, мистицизм и др. Далее на эмпирическом материале покажем, как дервиша видят и оценивают другие представители лингвокультуры. Кроме афористических суждений, то система ценностных координат дервиша, его моральные и нравственные качества уточняются также в текстах художественных и публицистических произведений, в очерках и записках путешественников. Ср. следующие иллюстрации:

«Я видел дервиша (турецкий то монах), || Который одержал победу над страстями: || Стал кроток, совестен, смирен, воздержан, благ || И грешный мир презрел не словом, но делами» (А. Н. Нахимов. Редкости, которые удалось мне видеть, 1814); «На кладбище неугасимо горит подле Алкорана восковая свеча и дервиш читает молитвы» (Т. П. Пассек. Из дальних лет, 1878-1889); «Дервиш, «близкий к Богу человек» учится молиться не по книгам, но в путешествиях» (Ю. К. Терапиано. О Гумилеве (1927) // «Новый корабль», № 3, 1928); «И опять я свободен, как нищий дервиш» (С. Черный. Городок, 1928)

В своем путевом очерке «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкин отождествляет странствующего дервиша с поэтом – оба свободолюбивы, самоотречены от земных богатств и следуют высокому предназначению. Ср. иллюстрацию: *«Паша сложил руки на груди и поклонился мне, сказав через переводчика: "Благословен час, когда встречали поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных"» (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум, 1829).*

То же сравнение видим у Л. М. Василевского: *«Полусвятой и вместе дерзкий нищий, || Поэт и раб, – он к людям прибежал, || Чтоб напоить сердца духовной пищей || И выпросить униженно реал» (Л. М. Василевский. Дервиш, 1912).* Дервиш здесь сравним не

только с поэтом, а еще с рабом, который должен служить людям. Именно дервиш являет собой живое олицетворение ценности суфизма – зухда (аскетизма), которому дервиш придавал таинственную оболочку: для дервишей более значимы стали мистические элементы, «готовилась почта для превращения суфизма в некий «гимн божественной любви» (Бертельс, 1965, с. 15). Ср. иллюстративный пример *«Дервиш сшивал свои заплаты. || Перед дворцом и громко пел: || «На что мне ханские палаты?»* (Л. Н. Трефолев. Песня дервиша, 1900).

Образ дервиша был особенно привлекателен для русской литературы конца XIX- начала XX вв. благодаря своим необычным свойствам, таким как мистическая традиция, поэтическое аскетическое вдохновение и ассоциации со свободой юродства. К середине XX в. русская литература перестала интересоваться дервишеством как мистическим богопознанием, а образ «дервиш» представлялся лишь «одним из знаков восточного колорита, отличительной и отживающей чертой быта советского Востока» (Томилова, 2014, сс. 152; 49).

Образ дервиша особо встречается в современной литературе бывших союзных республик, где творчество некоторых писателей затрагивает межкультурный диалог и ориенталистику (Юхнова, 2015, с. 82]. Например, русский поэт и прозаик Е. В. Абдуллаев, живущий в Узбекистане и публикующий под псевдонимом Субхат Афлатуни, сравнивает дервиша с образом учителя с некоторой отсылкой на христианского Мессию в отношении унижения, наивности и страданий. Ср. пример: *«И в летописи написано, что этому дервишу ангел во сне новые буквы сообщил и сказал сюда их принести – буквы счастья. И баню сказал здесь построить»* (С.Афлатуни. Глиняные буквы, плывущие яблоки, 2006).

У другого прозаика дервиш изображается как поликультурный герой, мудрость которого имеет параллели в буддийской и христианской философии (Томилова, 2014, с. 104): Ср.: *«Дервиш немой пророк – павлин без хвоста иль ночное небо без письмен Аллаховых плеяд!.. О Азья моя! Сколько немых пророков бродит по*

тебе в немой жгучей тоске?..» (Т. Зульфикаров. Земные и небесные странствия поэта, 1990).

В сознании современных представителей русской и арабской лингвокультур типаж «дервиш» воспринимается как носитель некой мудрости, доказательством чему служат такие сочетания слов, как *‘Однажды один дервиш сказал’, ‘Как сказал дервиш’* и др. Ср. иллюстрации: *«Однажды один дервиш сказал: “В нищете и есть моя гордость”. И человек всегда рад следовать этому дервишу»* (В.В.Шитик. Я и Руми, 2018); *«Правда, один дервиш говорил, что может спасти меня то, что вкуснее и дороже всего на свете, что не приедается до самой смерти»* (Г. Остапенко. «Чурек и юха» // «Вокруг света», 1990); *«Вот что рассказал один дервиш, мудрейший из мудрых, который знал всё на свете и даже больше»* (И. Зорин. Зачем жить, если завтра умирать, 2015).

Кроме мудрости дервишу предписываются такие ценности, как дружба, искренность, простота, самодостаточность, скромность, любовь и др. О верности и искренности дервиша читаем у Н. С. Гумилева: *«И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество: || Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его! <...> Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья, || О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?»* (Н. С. Гумилев. Пьяный дервиш, 1921).

Дервиш не только верный попутчик, который дорожит и ценит своих наставников и друзей, но и довольствуется малым, нетребовательный и щедрый человек. Ср.: *«Не печалься – сказал мне один из дервишей – и думай только о хорошем. Я шейх дервишеского теккие и властвую над сорока дервишами. Я тебе соберу с них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое ты должен своему тестю»* (Тысяча и одна ночь, Ч. 2, 2018, «рассказ об Ала-Ад-Дине Абу-ш-шамате»).

Дервиш известен также своей простотой и необычной скромностью, наполнен любовью ко всем и всему. Ср. примеры: *«Во всех любовь!.. Дервиш отбросил четки, || Премрачный вид на радость обменял: || Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?»* (А. С. Грибоедов. Кальянчи, 1822); *«Мне кажется, я пишу очень*

нужные, полезные книги, но я дервиш среди нынешних вельмож в биологии» (Ю. А. Жданов. Во мгле противоречий // Вопросы философии, 1993).

Представленные выше иллюстрации и текстовые отрывки показали, что дервишество очевидно представляет собой нравственный феномен: «стремление людей к моральному совершенству подвигало их к такому методу поиска истины, самовоспитания через странничество» (Якупов, 2011, с. 280). Дервиши относились к т. к. «маджзубам» (невменяемый), которые уходили в странствия, стараясь найти внутреннюю тишину через медитацию и отрешенность от мирской суеты.

Если классическая литература высказывает почтение к образу «дервиш», то в исследовательской деятельности XVIII-XIX вв. востоковеды изображают дервиша как враждебный, социальный тип и таинственную фигуру (Шафранская, 2016, с. 139). Д. Ю. Арапов отмечает, что Положением Азиатского комитета в 1834 г. был воспрещен пропуск дервишей в Астраханскую губернию, а чуть позже, в 1836 г. им дали отказ в подданстве России, так как дервиши, как объясняется в циркуляре, бродят по России под предлогом идти в Мекку на паломничество, а на самом деле останавливаются и возбуждают в мусульманском населении фанатизм и возмущение против власти (Арапов, 2001, сс. 119-120). См. данное описание в прозе Н. Н. Каразина: *«Мусульманское духовенство, возбуждая народ к поголовному восстанию против русских, к газавату (священной войне), рассылало по городам своих агентов – дивона – с подобными подстрекательскими речами»* (Каразин, 1993, с. 201).

Кроме положительной оценки дервиш имеет в коммуникативном массовом сознании нейтральную и отрицательную характеристики, отражающие реальные и житейские свойства данной личности. В научной литературе различают тех дервишей, искренних в своей любви к Богу, посвящающих свою аскетическую жизнь медитации и размышлениям, и тех кочевых дервишей, предающихся распутной жизни, полной попрошайничества и разврата (Гольдциер, 1964, с. 167).

Дервишеский образ жизни стал для многих «псевдодервишей» ничем иным, как средством зарабатывания: они собирали пожертвования и попрошайничали, занимались гаданием, читали заклинания над больными и страдающими от колдовства и джиннов.

Русский путешественник и востоковед К. М. Базили справедливо отмечает, что пророк ислама Мухаммад, очищая восток от язычества, проклял магов и запретил употреблять в богослужении и молитвах музыкальные инструменты и пляски, поэтому пуристы в исламе подозревают дервишей в тайном учении, не согласном с догматами веры: *«Исполнители приговора рассказывали народу, что при разрушении теккие нашли в них штофы проклятых Магометом напитков, закупоренные листьями из Корана»* (Базили, 1835, с. 250).

Британский востоковед А. Гибб отмечает, что дервиши своим пренебрежением к основам мусульманской веры навлекли на себя гнев порядочных мусульман: *«дервиши чрезмерно употребляли «нечистой влаги» и наркотики, якобы для достижения экстаза во время зикра (радения). Среди них распространялось сильное убеждение в магии и астрологии»* (Гибб, 2012, с. 290).

Наиболее серьезные догматы веры, которые многие дервиши нарушали и пренебрегали – это запрет на употребление алкоголя и наркотиков, даже во время религиозного радения. Ср. иллюстрации из арабской художественной литературы: *«В каирском районе Вагх Аль-Бирка проживала шайка людей, которые притворялись суфиями и дервишами. Они совершали грехи публично, и никто не мог им противостоять, потому что люди боялись их грубой силы»* (Хайри Шалаби. Район «Батн Эль-Бакара», 1996).

С особым негодованием дервиш воспринимается социумом как опасный социальный тип и умелого мошенника. Многие пустосвяты и мошенники, особенно в деревнях, под покрытием дервишества занимаются магией и шарлатанством, обманывают и наживаются над простым, малообразованным народом. См. следующие иллюстрации: *«Она давно слышала о дервише и его способностях, но никогда не осмеливалась зайти в его дом. Все жители района приходили на траур не в знак солидарности, а из страха перед*

дервишем» (М. Харис. Клятва Соломона, 2018); «Женщина [мать больной девушки] нагнулась поцеловать руку дервишу и сказала: “Каждый раз, возвращаясь от Вас домой, она [дочь] дня два чувствует себя хорошо, потом всё идет прахом: опять бешено кричит и разрывает на себе одежду” <..> Женщина вложила ему в руку что-то сверкающее, скорее золото. Дервиш с показным благочестием принял поданное и сказал: «Божья воля! Пойдем со мной, дочка!» (С. Аль-Джабури. Патина, 2017).

Среди дервишей есть также рифаиты-мошенники, которые носят с собою змею, отпускают их в дома незаметно от хозяев, а затем шантажируют их, а потому вызывают негативную реакцию социума. См. иллюстративный пример: *«Змея остановилась на своем месте, как будто ее парализовало, и посмотрела в сторону рифаита, как бы умоляя его отпустить её, а тот подал знак рукой, чтобы змея подошла. Змея в тот момент упала прямо на землю, на то место, куда указал рифаит, и свернулась комом вокруг себя, а тот подошел к ней, схватил за хвост и спустился к изумлению всех присутствующих» (Дж. Хелми. «Аль-Рифаи», 2020).*

Отрицательное отношение к дервишу как к коммуникативной личности обусловлено тем, что путешествуя, дервиши попрошайничали, собирали пожертвования на храмы, а брали себе, даже хулиганили, промышляли кражей и мошенничеством. Иллюстрации из арабской художественной литературы подтверждают данную семантическую характеристику дервиша как значимого для культуры образа: *«Среди подозреваемых был один дервиш, который покинул деревню, спасаясь от полиции после частых доносов и обращений, поданных против него сельчанами, обвиняющими его в попрошайничестве, краже и угрозе миру и спокойствию людей в деревне» (В. А. Али. Письма дервиша, 2022); «“Как поживаешь, дядя Абулфадл?” – Эссам обратился к дервишу, но последний не ответил, якобы не узнал его, только кивнул ему головой в сторону сидящей девочки. Эссам сразу понял, что нужно дать ей денег, достал из кармана сумму больше, чем в первый раз» (В. Исмаил. Эйнштейн и дервиш, 2020).*

Та же характеристика дервиша и негативная оценка его поведения иллюстрируются и в русской художественной литературе и кинофильмах: *«Частенько дервиши на поверку оказывались обыкновенными мошенниками, которые попрошайничали, занимались гаданиями, предсказаниями, а иногда и не брезговали преступным промыслом»* (О.Северюхин «Дервиш», 2016); *«Пока мы скакали, я обследовал карманы Али. Там я обнаружил мои часы и кошелек, в котором, судя по весу, денег заметно прибавилось. <..> - Короче, если добровольно не дашь руки, получишь по голове, а потом я сделаю все сам. Это подействовало. Псевдодервиш оказался трусом»* (Май Карл. «Из Багдада в Стамбул», 2001); *«[Человек1] Ограбили! Держите их! [Человек2] Держите! Эти дервиши ограбили! Они бандиты! Воры!»* (к/ф «Не бойся, я с тобой!», 1981).

Негативная оценка дервиша обусловлена также тем, что в деревнях, среди простого народа дервиши вели себя неблагоприятно. Так, в следующем контексте дервиш изображается как ханж и развратный человек: *«Дервиш повел Морджану в другую комнату, запер за собою дверь и начал громко читать. В то время Морджана сняла с себя одежду, легла в постель и ждала дервиша, который сделал то же самое, проверив, что все окна закрыты и шторы задернуты. Он [мальчик, скрывающийся в комнате] открыл дверь и пулей выбежал на улицу, слыша за собой крики жены дервиша и женщины [матери Морджаны], которые, увидев лихое зрелище, начали ругать и проклинать дервиша»* (С.Аль-Джубури. Патина, 2017).

Подведем основные итоги исследования.

В результате анализа приведенных иллюстративных примеров подтверждается социальная обусловленность стереотипного представления о личности дервиша в арабской и русской лингвокультурах, обосновываются как типовые, так и стереотипные признаки типажа «дервиш» в сознании современных представителей обеих культур. Кроме положительной оценки лингвокультурный типаж «дервиш» в коммуникативном массовом сознании имеет

нейтральную и отрицательную характеристики, отражающие реальные и житейские его свойства.

Изучив концепт «дервиш» в аспекте ценностных ориентаций в русской и арабской лингвокультурах, можно заключить, что для данного лингвокультурного типажа особое значение имеет ряд общечеловеческих ценностей, таких как любовь, свобода, скромность, искренность, верность, дружба, добродетели и др., а в подавляющем большинстве случаев для данной личности характерны этнокультурные и локально-групповые ценности, такие как богослужение, аскетизм, странствие, медитация и др.

Разумеется, положительные качества свойственны далеко не всем дервишам. Дервишей осуждали за пренебрежение основами мусульманской веры и приобретение таких неблагоприятных качеств, как попрошайничество, мошенничество, занятие магией и гаданием, употребление алкогольных напитков и наркотиков, даже воровство и хулиганство. В связи с этим, мы приходим к выводу о том, что лингвокультурный типаж «дервиш» имеет как положительные, так и отрицательные коннотации и оценочные характеристики.

Интерес представляют результаты анализа исторических очерков и записок путешественников и востоковедов, которые уникально и содержательно изображают реальную жизнь дервиша, этапы стереотипизации данного типизируемого образа и неоднозначную оценку обществом его самобытности и поведения.

Проанализированный материал подтверждает сравнительно частую оценочную амбивалентность дервиша со стороны представителей арабской лингвокультуры, поскольку «дервиши» в арабском сознании воспринимается как социокультурный типаж, более узнаваемая и реальная личность с поведенческими особенностями и противоречивыми ценностными ориентациями, тогда как в сознании современных русских данный типаж более предстает как инокультурный и экзотический паттерн, зарисованный более детально в поэзии и записках путешественников благодаря своей восточной символической, которая сочетает в себя эстетическую и философскую ценность.

Список литературы

А) Литература на русском языке.

- 1) Арапов, Д. Ю. (2001). Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: ИКЦ Академкнига, 2001. – 367 с.
- 2) Базили, К. М. (1835). Очерки Константинополя. Ч.2. Спб.: тип. Н. Греча, 1835. – 285 с.
- 3) Бертельс, Е. Э. (1965). Суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965 – 524 с.
- 4) Дмитриева, О. А. (2006). Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. Сс. 29-35. <http://edu.vspu.ru/lingvoperson/nauchnyie-trudyi-oda-dmitrievoy/> (Дата обращения: 12.05.2024)
- 5) Каразин, Н. Н. (1993). Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы. СПб.: Лениздат, 1993. – 587 с..
- 6) Карасик, В. И. (2004). Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 477 с.
- 7) Карасик, В. И. (2007). Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
- 8) Карасик, В. И., Дмитриева, О. А. (2005). Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: Сборник научн. Тр. Волгоград: Парадигма, 2005. – Сс. 5-25.
- 9) Колесов, В. В. (2004). Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
- 10) Мансур, М. Х. С. (2023). Понятийные характеристики лингвокультурного типажа дервиш в арабском и русском языках. Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Вып. 11. Сс. 99-107. <https://narfu.ru/sf/sevgi/problem-concept/vypuski.php> (дата обращения: 02.06.2024)
- 11) Мансур, М. Х. С. (2024). Образные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш» в арабском и русском языковом сознании. Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. Вып. № 1 (том 5). Сс 20-27. <https://www.philol-izvestia.vspu.ru/izvestia/issue/view/34> (дата обращения: 17.07.2024)
- 12) Матенова, Ю. У., Шафранская, Э. Ф. (2023). Современная франкоязычная литература. Межкультурное взаимодействие. М.: Юрайт, 2023. – 225 с.
- 13) Степанов, Ю. С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 192 с.
- 14) Томилова, Н. А. (2014). Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского): дис. Канд. Филол. Наук. <https://new-disser.ru/avtoreferats/01007556138.pdf> (дата обращения: 14.03.2024)
- 15) Шафранская, Э. Ф. (2016). Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. – 370 с.
- 16) Юхнова, И. С. (2015). Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки». Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. № 2 (10). Сс. 81-89. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-kulturnyy-kod-v-povesti-suhbata-aflatuni-glinyanye-bukvy-plyvuschie-yabloki> (дата обращения: 12.04.2024)

17) Якупов, В. М. (2011). Особенности суфизма в Поволжье. В кн. Якупов, В. М., Ислам сегодня. Казань: «Иман», 2011. – 392 с.

Б) литература на арабском языке.

- (1) جولتسيهر، إجناس (٢٠٠٦). العقيدة والشريعة في الإسلام.. (تاريخ التطور العقدي والتشريعي في الدين الإسلامي) – ترجمة من الألمانية. بيروت: دار الكتب الحديثة، ١٩٤٦. – ٤٠٧ ص.
- (2) مسعود، جبران (١٩٩٢) الرائد معجم لغوي معاصر – الطبعة السابعة. - بيروت - دار العلم للملايين – ١٩٩٢ - ٩١٢ ص.
- (3) غب، هاملتون، هارولد، باون (٢٠١٢). المجتمع الإسلامي والغرب. دراسة حول تأثير الحضارة الغربية في الثقافة الإسلامية بالشرق الأدنى في القرن الثامن عشر للميلاد – ج ٢ – ط أولى - ترجمة أحمد إبيش. أبو ظبي: دار الكتب الوطنية، ٢٠١٢. ٣٧٩ ص.

---

¹ Здесь и далее перевод на русский язык афоризмов, иллюстративного материала и цитат сделан автором статьи – М. Х.

² <https://www.islamfacts.net/2019/06/Rumi-Quotes.html>

³ <https://rustih.ru/stihi-o-zhizni/omar-xajyam-mudrosti-zhizni/>

⁴ <http://darvishi.ru/index.php/stati-o-dervishakh/19-vse-stati/594-vyskazyvaniya-masterov-o-dervishakh>

